

Словари юмористических цитат и парадоксы межкультурного общения

© кандидат филологических наук М. М. Филиппова, 2000

В последнее время в методической литературе по преподаванию английского языка все больший упор делается на то, что усвоение языка без знания культуры недостаточно для эффективного общения, что необходимо прежде всего понимание культуры или хотя бы некоторых определенных ее элементов для того, чтобы состоялось полноценное общение, при котором его участники полностью понимают друг друга ('настроены на одну волну'). Как известно, юмор считается одним из наиболее трудных для понимания элементов национальной культуры. В данной работе автору хотелось бы сосредоточиться на иронии и сарказме как его важных составляющих¹, в частности:

– проанализировать понятия об иронии и сарказме у русских и у англичан. Поскольку понятия реализуются (материализуются) в словах, для этого необходимо изучить словарные определения, объяснения в справочниках, таких, например, как руководства по грамотному употреблению правильного английского языка, а также конкретные языковые примеры.

– описать исследуемый материал в целях наиболее исчерпывающего раскрытия сущности наблюдаемых явлений: понятий «ирония» и «сарказм» в английской и русской культуре.

– попытаться понять функционирование иронии и сарказма на конкретных примерах, взятых из практики межкультурного общения русских и англичан. Именно различия в понимании и восприятии этих двух языковых средств представителями двух разных культур и могут вызывать всяческие трудности.

– сравнить понятие «ирония» с понятием «сарказм» в английской и русской культурах, т.е. провести их внутриязыковое и межъязыковое сравнение.

– проанализировать разнообразные аспекты функционирования этих двух понятий, когда они используются в качестве языкового и стилистического средства: 1) их значение (семантика); 2) специфические свойства лексических единиц, используемых в качестве материала этими языковыми средствами; 3) контекстуальные связи иронических и саркастических высказываний; 4) особенности стилистического функционирования иронии и сарказма.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

Общеизвестно, что сопоставление и противопоставление слов различных языков представляет собой сложную, подчас трудновыполнимую задачу: существование даже простейших понятий нельзя принимать а priori, и формулировать их возможно лишь после тщательного и кропотливого исследования.

Объяснение сложностей подобного рода, стоящих на пути желающих изучить английский язык, дано в работах С. Г. Тер-Минасовой². Одним из основных препятствий в эффективном овладении иностранным языком является расхождение в языковом мышлении, поскольку «картина мира», отраженная в языке, не совпадает у разных народов. Это проявляется в принципах категоризации действительности и, следовательно, получает выражение как в лексике, так и в грамматике.

С. Г. Тер-Минасова говорит о том, что слово нельзя рассматривать просто как «название» предмета или явления, определенного «кусочка» окружающей человека действительности. Этот «кусочек» действительности как бы «пропускается» через сознание человека и в процессе отражения приобретает некоторые специфические черты, свойственные данному национальному общественному сознанию. Разные народы находят различные пути от внеязыковой реальности к понятию и, далее, к словесному выражению. Эти различия обусловлены прежде всего различиями в условиях жизни этих народов, а также различиями в их общественном сознании. Поэтому, изучая иностранные слова, человек как бы извлекает кусочки мозаики из неизвестной ему еще картины и пытается совместить их с картиной мира, заданной ему родным языком.

Если бы название предмета или явления окружающего нас мира было простым, механическим фотографическим актом, в результате складывалась бы не «картина», а именно «фотография» мира. Эта «фотография» неизбежно оказалась бы одинаковой у разных народов и не зависела бы от особенностей их бытия и сознания. В результате получилась бы фантастическая ситуация (вероятная скорее в ситуации с роботами, чем с людьми), при которой изучение иностранных языков и перевод с языка на язык превратились бы в простой, механический процесс переключения с одного кода на другой. На самом же деле с каждым новым иностранным словом в сознание учащихся как бы «транспонируется» понятие из другого мира. Чаще всего именно это «транспонирование» и является тем камнем преткновения, который до сих пор представляет огромную проблему как для преподавателя, так и для изучающего иностранный язык. Именно недостаточное внимание к установлению важнейшего соотношения между родными и чужими «понятийными картинами мира» так обедняет словарь иностранцев, изучающих неродной язык.³ Таким образом, воссоздание понятийной картины мира,

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

присущей изучаемой культуре, является одной из самых важных задач преподавателей иностранного языка.

Много существенных соображений о взаимодействии культур и цивилизаций делает философ И. А. Василенко в своей книге «Диалог цивилизаций»⁴. В этой работе она рассуждает о таких предметах, как глобальный мир и искусство жизни в нем, о характерных для разных народов картинах мира, о человеке в символическом универсуме культуры, о социокультурной идентичности в политике, о понятии «другого» в пространстве политического диалога, о конфликте ценностей как гуманитарной проблеме, о философии цивилизованного партнерства и т.п. Размышляя над тем, что она называет «особой понимающей методологией – методологией интерпретации», и говоря о необходимости в диалоге цивилизаций не пытаться обозреть необозримое море фактов, а сосредоточиться на главном – попытаться интерпретировать ценностное социокультурное ядро других цивилизаций, где фокусируются все эти факты в виде социокультурной программы, И. А. Василенко справедливо замечает: «... пространство диалога цивилизаций в глобальном мире насыщено особыми «тонкими» видами социокультурных импульсов, интерпретировать которые, мобилизуя рациональные типы знания, практически невозможно: их источники скрыты в глубинах человеческого духа, в тайниках культуры...»⁵

Рассуждения о подходах к пониманию и познанию других культур в этой книге начинаются с описания парадоксальности проблемы интерпретации в диалоге цивилизаций: «Проблема интерпретации в диалоге цивилизаций может быть сформулирована в виде социокультурного парадокса: для человека политического понимать партнера *другой* культуры – значит переноситься в другое социокультурное измерение. Этот парадокс в свою очередь отсылает нас к еще более фундаментальным вопросам: каким образом способен человек осуществить процедуру понимания другого, сохраняя собственную социокультурную идентичность? И как политическая культура цивилизации, объективируясь, выявляет собственные знания, способные одновременно поддаваться интерпретации другими культурами?»⁶

Действительно, в процессе усвоения другой культуры человек сталкивается с парадоксами. То же можно сказать и об усвоении собственно языковых форм. Не случайно некоторые языковеды, например, называют омонимию и синонимию лексическими парадоксами, а фонетисты говорят об одном из тембров как о «парадоксальном». Сам контраст между языками и культурами часто воспринимается как парадоксальный, и это еще в лучшем случае. Известный специалист по английскому языку Д. Кристал описывает ситуацию, когда англичанин, впер-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

вые начинающий изучение русского языка, сказал: «Как это в русском языке нет определенного артикля??? Но он же должен быть!»⁷ Можно предположить, что человек перестает воспринимать культурные и языковые контрасты как парадоксальные только после того, как полностью осваивается в новой для себя языковой среде.

В уже упоминавшейся работе И. А. Василенко, формулируя тезис о том, что культурные формы – суть символические, а значит, априорно нерациональные, и постулируя возможную плодотворность нерационального дискурса в глобальном мире, а также необходимость новой синтетической логики – логики взаимозависимого социокультурного партнерства в глобальном мире, подчеркивает:

«Только после того, как мы начнем изучать мир культуры как символический, а не предметный универсум, путь нерационального понимания будет окончательно признан как адекватный для культурного восприятия. Пребывая в символическом универсуме культуры, человек не может следовать строгим фактам и подчиняться объективным закономерностям: напротив, он погружен в лингвистические формы и художественные образы, мифические символы и религиозные ритуалы. “То, что мешает человеку и тревожит его, – говорил Эпиктет, – это не вещи, а его мнения о вещах.”⁸

Отмечая, что сам процесс образования понятий в культуре не подчиняется рациональным законам, и взяв в качестве примера непосредственного необъяснимого языкового факта то, как различные языки делят совокупность имен по родам – т.е. то, что рационально не объяснит ни один лингвист – И. А. Василенко определяет то, что следует понимать как понятия культуры: «Понятия культуры – это ценностные категории, в образовании которых участвуют и эстетическая фантазия, и эмоциональные оценки, и моральные запреты: в них значительно больше нерационального, чем рационального.»⁹ Далее она уточняет, что «процесс понимания ценностей другой культуры должен в определенном смысле воспроизвести, воссоздать этот нерациональный путь образования ценностных понятий культуры.»¹⁰ Это высказывание представляется столь верным, что трудно к нему что-либо добавить.

Ирония и сарказм в межкультурном общении.

В одной из своих лекций авторитетный английский специалист по межкультурному общению Барри Томалин рассказал о том, как провел мини-опрос среди англичан, живущих за границей, на предмет того, о чем они скучают, когда живут в какой-нибудь другой стране. Оказалось, что в списке вещей, без которых англичанам скучно жить, на пятом или

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

шестом месте после домашнего уюта, некоторых английских блюд, английской погоды и т.п. они поставили **сарказм**.

Кстати, сам Барри Томалин начал свою лекцию для русских преподавателей чем-то вроде: «Чему я, какой-то англичанин, у которого за спиной всего лишь Шекспир и Диккенс, могу научить вас, представителей великой русской культуры?»¹¹

Некоторые из присутствовавших на лекции преподавателей восприняли это вступление как выражение презрения к аудитории, ведь нельзя же говорить о «всего лишь Шекспире и Диккенсе» и о себе как о «каком-то англичанине» ('a mere Brit') всерьез. А если несерьезны эти фразы, то столь же несерьезно и обращение «вы, представители великой русской культуры». Представляется, что это высказывание можно считать весьма ярким примером английского сарказма, причем в данном случае сарказм не был выражен просодически (интонационно) или при помощи каких-либо других языковых средств, но воспринимается как таковой исключительно на основе смысловых связей высказывания.

В наше время, кажется, можно уже говорить о фольклорной традиции межкультурного общения русских и англичан, поскольку существует масса устных рассказов о проблемах понимания в таких ситуациях, анализ которых может помочь нам проникнуть в истину их возникновения.

Русская школьница, жившая (и учившаяся) год в Англии, вернувшись, стала объяснять своей преподавательнице английского языка «исконное» английское выражение *to be on a short leg*. Когда заинтригованная преподавательница призналась, что такого выражения не знает, и попросила девушку перевести его, та сказала: «Ну как же? Оно значит то же, что и по-русски – ‘быть на короткой ноге’. Меня этому научили естественные носители.»

Юмор данной ситуации заключается в том, что «быть на короткой ноге» – это фразеологическая единица, русская идиома, которая никак не может быть переведена на английский язык дословно. Эквивалентом могло бы быть выражение вроде 'to be on friendly terms (on a friendly footing) with somebody'. Если представить, что кто-то из англичан взял на себя труд выучить русскую идиому и стал обучать ей русскую девушку, то трудно не восхититься изощренности понятий о юморе (на взгляд носителя русской культуры) автора этой шутки. С другой стороны, теоретически допустимо, что подобное выражение является заимствованием – известны ведь случаи, когда в английский язык заимствовались жаргонные русские слова, еще даже не вполне принимаемые многими естественными носителями русского языка. К примеру, *to wet* – это, как

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

известно, калька с русского жаргонного словечка «замочить», столь популярного в последнее время.¹²

Примеры, подобные вышеприведенным, могут показаться банальными, обыденными и не очень существенными. В связи с этим хотелось бы привести цитату из уже упоминавшейся работы И. А. Василенко, ведь в ней рассматриваются социокультурные барьеры понимания в политическом диалоге, т. е. проблемы, подобные тем, которые интересуют нас:

«Аристотель в своей работе «О частях животных» комментирует известный эпизод из жизни Гераклита, который может послужить ключом к интерпретации фактов в герменевтическом исследовании. Он воспроизводит античную легенду, согласно которой чужеземцы пожела-ли встретиться с Гераклитом. Войдя в его жилище, они увидели Гераклита греющимся у духовки. Чужеземцы остановились в изумлении, разочарованные и растерянные: они предполагали застать великого человека, погруженного в глубокие раздумья о судьбах мира. Вместо этого они застали Гераклита в обыденном и неприглядном месте, у печи. Заметив разочарование на лицах чужеземцев, Гераклит произносит известные слова: «Боги присутствуют и здесь тоже».

Каждый исследователь, стремясь проникнуть в истину бытия *другой* политической культуры, не должен разочаровываться, сталкиваясь с самыми обыденными фактами и обстоятельствами, поступками и помыслами – здесь, в среде обыденного, тоже присутствуют Боги. Однако согласие процесса интерпретации с фактами – это скорее постановка проблемы, а не ее решение.»¹³

То, что сказано в данном отрывке про попытки проникнуть в истину бытия другой политической культуры, может с полным правом быть отнесено и к попыткам понять другое мышление, другой менталитет, другой язык. Обыденные высказывания и обыденные ситуации могут помочь нам многое постигнуть в изучаемой культуре и уменьшить риск неправильного понимания ее представителей.

Непонимание, недопонимание и неправильное понимание довольно часто встречаются в общении между людьми, принадлежащими к разным культурам, когда один из них говорит на родном языке, а для другого участника этот язык является иностранным. Понятно, что жизненный опыт, языковые привычки, стереотипы поведения и восприятия речи, традиционно передаваемые из поколения в поколение взгляды, система ценностей, отношение к тем или иным национальностям и носителям определенных культур и т. п. будут в значительной степени разными и вряд ли будут совпадать. Если можно так выразиться, языковая «этика» и, разумеется, языковой этикет у представителей разных

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

языков неизбежно разные. Часто оказывается, что восприятие иностранцем своей речи чуть ли не диаметрально противоположно тому, как воспринимают его речь естественные носители языка. Однако правила вежливости требуют соблюдать цивилизованные нормы поведения, и раздражение и прочие отрицательные эмоции находят выход в иронии и сарказме.

В идеале, контакты между представителями разных языков и культур могут быть полноценными только в том случае, если участники коммуникации в состоянии понять не только **прямое, непосредственное** содержание того, что они слышат от собеседника, но и воспринять **подразумеваемое** содержание. Если, как в вышеупомянутом случае со школьницей, такое понимание отсутствует, то у постороннего наблюдателя создается впечатление, что участники общения говорят один «про Фому», а другой – «про Ерему», или что один участник получает удовольствие за счет другого, высмеивая его в столь тонкой манере, что тот не в состоянии это понять и адекватно отреагировать.

В случае с иностранными учащимися, которые не очень хорошо владеют английским, шутки могут быть и не столь утонченными и безобидными, а скорее похожими на «лучшие» образцы «колониального» юмора.

Например, за обедом в английской школе для иностранных бизнесменов, на котором присутствовали студенты этой школы – представители деловых кругов Италии, Германии и других стран, а также студентка из Японии, хозяйка школы, сидящая рядом с японкой, сказала: ‘We once had a Japanoid...’ и тут же поправилась: ‘...a Japanese boy staying with us...’

Поскольку хозяйка мгновенно исправила свою ошибку, формально упрекнуть ее было не в чем – то, что она сказала, выглядело как типичная оговорка, обусловленная опережающим произнесением дифтонга [ɔi], содержащегося в слове *boy*. Однако каждому знающему суффикс *-oid* совершенно очевидно, что слова с этим суффиксом могут иметь резко отрицательное значение: *humanoid*, *Stalinoid*, *schizoid*, *paranoid*, *Mongoloid* и т.п. (хотя, конечно, есть и слова с нейтральным значением типа *asteroid*, *rhomboid*, *thyroid*). Интересно, однако, что выражение лица этой дамы в момент оговорки было милым и любезным.

Данная «шутка» выражена при помощи достаточно простого морфологического средства – замены одного суффикса на другой. Точно таким же образом можно создать массу «шутливых» наименований: наряду с «японоидом» можно использовать столь же ядовитое слово «англо-саксоид», например. Похожая и, к счастью, незлобная шутка получается по-русски присоединением «неположенного» суффикса,

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

например, в словах «французцы», «англичанцы» и т. п. Понятно, что в описанной шутке слово *Japanoid* несет отчетливо выраженный пренебрежительный оттенок значения, и насмешка получается злой и унижительной. Хотя Япония никогда не была колонией Англии, такого рода шутку можно с полным правом отнести к разряду «колониального» юмора.

В этой связи весьма любопытны всевозможные метаморфозы, которые происходят с некоторыми языковыми элементами в процессе словообразования. Каким образом, например, получилось так, что английский суффикс *-ese*, входящий в состав таких слов, как *Portuguese*, *Chinese*, *Vietnamese*, *Japanese* и т. д., совершенно нейтральный в названиях языков и национальностей (англичане, как хорошо известно, терпимо относятся ко всем расам, нациям и национальностям или, во всяком случае, постулируют такую терпимость), используется для придания отрицательных коннотаций таким словам и выражениям, как *art criticese*, *literary criticese*, *journalese*, *officialese*¹⁴ и т. п.?

Все очень любят цитировать Зигмунда Фрейда, который сказал в одной из своих работ: «Человек, который первым, вместо того, чтобы швырнуть камень в своего противника, бросил в него обидным словом, был родоначальником цивилизации». Безусловно, словесная и психологическая жестокость менее болезненны, чем жестокость физическая. Однако оказаться объектом такой языковой жестокости может также быть очень тяжело, если человек не обладает своего рода «иммунитетом» – психологической подготовленностью к словесной и языковой жестокости, к издевкам над теми ценностями, которые важны для него, к осмеиванию и вышучиванию его уязвимых мест (которых, как мы хорошо знаем, у каждого человека предостаточно – всем известно, что неуязвимых людей не бывает). Те естественные носители английского языка, которые пишут пособия по нему, создают разнообразные учебные материалы и т. п., разумеется, не могут себе позволить писать о негативных сторонах английской культуры, ибо это расценивалось бы как нелояльная антиреклама и критика существующего положения вещей. Поэтому изучающие английский язык и культуру, в основном, как правило, имеют представление о положительных сторонах жизни англоязычных стран и зачастую не представляют себе отрицательные стороны, например, пренебрежительное и насмешливое (а иногда и презрительное и ядовитое) отношение к другим национальностям. В этой связи задачей преподавателя английского языка является, по-видимому, подготовить учащихся к возможному шоку такого рода, сделать их менее уязвимыми, выработать как бы «иммунитет» против негативного воздействия таких насмешек, издевок и оскорблений.

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных,
А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-
317-00036-X*

Еще один яркий пример английского сарказма: моя приятельница по фамилии Фитцджеральд, ирландка по национальности (но зато получившая англо-саксонское воспитание и выросшая в Англии, как она сама любит говорить), рассказывала, что в годы войны ее отец, врач-радиолог (рентгенолог), уже тогда живший в Англии, был освобожден от военной службы (то ли потому, что был врачом, то ли потому, что имел ирландское гражданство – Ирландия, как известно, не принимала участия во второй мировой войне). Соседи-англичане, считавшие, по видимому, что очень непатриотично с его стороны не служить в армии в такое сложное для страны время, стали называть его **Фриц**джеральд. Судя по тому, что его дочь все еще вспоминала это прозвище по прошествии полувека со времени войны, можно догадаться, что оно было воспринято очень болезненно.

Как легко заметить, данная шутка создается фонетическими средствами, т.к. основана на частичном звуковом подобии распространенной приставки, характерной для ирландских имен, и немецкого имени Фриц. Здесь также существенно то, что англичане, как и русские, если хотят выразить немцу пренебрежительное отношение, обзовут его именно «фрицем».

В уже упомянутой школе для бизнесменов автору данной статьи пришлось выслушать еще одну националистическую шутку, на сей раз направленную против болгар.

Когда стало известно, что ожидается приезд еще одного студента – крупного чиновника из министерства внутренних дел Болгарии, та же самая хозяйка дома, высокообразованная женщина, получившая образование не только в одном из английских университетов, но также и обучавшаяся в некоторых европейских университетах, сказала: «Oh, Bulgarians... we call them Buggerarians – from 'bugger off'».

Данная шутка также построена на частичном звуковом подобии. Кроме того, остроту ей придает табуированность выражения, лежащего в ее основе. Конечно, в современном английском языке слово 'bugger' отнюдь не всегда, а может быть не так уж и часто употребляется в своем первоначальном значении – как обозначение мужчины, занимающегося запрещенной сексуальной практикой (а в современной просвещенной демократической Англии – представителя сексуальных меньшинств). В словаре Oxford Dictionary and Thesaurus¹⁵, например, в качестве пометы к слову «bugger» написано: coarse slang; usually considered a taboo word. Производное от него bugger off также продолжает оставаться ругательством, отмеченным в словарях аналогичным образом: coarse slang – «грубое жаргонное слово». Неудивительно, что фразовый глагол bugger off также отмечен в словаре как специфически британское ругательство,

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных,
А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-
317-00036-X*

означающее 'go away', иначе говоря, нечто типа русского «уматывай», «отвали», «вали отсюда», «проваливай». Некоторые источники утверждают, что это столь мягкое ругательство, что оно даже допустимо в аристократической компании. Тем не менее, когда являешься представителем одной из славянских наций, очень неприятно выслушивать такие презрительно-пренебрежительные замечания в адрес других славян. Для русского человека (как, впрочем, наверное, и для любого другого иностранца, оказавшегося в такой ситуации), сложность заключается в том, что сначала он инстинктивно реагирует на выражение лица собеседника, и, если оно дружелюбное, милое и вежливое, то возникает противоречивое впечатление¹⁶, так как для русской культуры, как представляется, типичным будет, что презрительные и пренебрежительные высказывания обычно сопровождаются соответствующей интонацией и выражением лица.¹⁷

Англичане любят придавать саркастическую, или на худой конец ироническую окраску самым разнообразным словам, понятиям и т.п. Как мы уже видели, бывает и так, что сарказм (который в случае этнического юмора является как бы «остаточным явлением» их имперских претензий) направлен на носителей других языков и культур.

Так, девушка, работавшая переводчицей с группой англичан, рассказывала, с каким энтузиазмом они восклицали: 'Oh, Russki, Russki!', когда ходили по московским улицам, на что русские, как правило, им отвечали: «Да-да, русский». Однако наивные и дружелюбные русские, не знавшие английского языка, не знали также (как не знала и их переводчица, которая узнала об этом только позже), что слово «Russki» употребляется как оскорбление и в словарях английского языка имеет помету *slang offens.*, что означает «оскорбительное жаргонное слово».

Любопытно, что эта история очень отчетливо показывает роль контекста в передаче смысла высказывания. Несмотря на то, что слово «Russki» является оскорблением в сознании естественных носителей английского языка и, безусловно, является таковым в англоязычном окружении, тем не менее в русскоязычных контекстах, для естественных носителей русского языка оно просто будет звучать как обычное, нейтральное, не нагруженное стилистически слово «русский», произнесенное с иностранным (в данном случае английским) акцентом. Таким образом, сколько бы тайно ни веселились эти англичане, считая, что им удалось поиздеваться над русскими, в русскоязычном окружении это слово не способно обидеть носителя русского языка (особенно такого, который с английским языком не знаком).

Эта ситуация также очень выпукло показывает те сложности ментального и когнитивного плана, которые возникают перед человеком,

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

изучающим язык и культуру другого народа. Как неоднократно подчеркивалось в многочисленных популярных психологических изданиях, имя человека – это самое важное для него слово. То же самое, наверное, можно сказать и о названии народа, национальности, как очень важном слове для людей этой национальности. Процесс идентификации с социокультурной общностью – на уровне социальной группы, государства, цивилизации (культуры) – в той или иной мере происходит в психике любого человека. Если при изучении иностранного языка задачей является научиться структурировать содержание мыслей таким же образом, как это делают естественные носители языка, то при переходе в другое социокультурное измерение человеку, владеющему двумя языками, приходится проделывать своего рода психологический (и ментальный) кульбит, когда одно и то же слово в родном языке является названием, которым человек гордится, а в иностранном языке – пренебрежительным и оскорбительным прозвищем, в котором сказывается имперская спесь и шовинистическая предвзятость англичан.

Кстати, слово *Rusky* (*Roosky*) – не единственная пренебрежительная кличка такого рода. Вспомним английские слова типа *Polack* (которое также изначально происходит от исконного польского слова, означающего человека этой национальности, т. е. имеет положительные коннотации в польском языке), *Jap* и *Nip*, которые употребляются в отношении японцев, *Fritz* – в отношении немцев. Фактически упоминание одного из таких слов вызывает цепочку ассоциаций со всей парадигмой: *Chink* говорится про китайцев, *kike* и *five-to-two* – про евреев, *Frog* и *Frenchy* – про французов, *Gurpo* – про египтян, *dago* – про таких иностранцев, как испанцы, португальцы и итальянцы, *masagoni* – про итальянцев, *bubble-and-squeak* – про греков и т.п.

Д. Кристал в своей популярной книге «Лингвистика»¹⁸ совершенно справедливо замечает, что Железный Занавес – это также и «семантический» занавес, и многие политические и философские термины (такие, как «свобода», «прогрессивный», «коммунистический», «демократический» и т.п.) имеют разные значения и разные коннотации в зависимости от того, по какую сторону занавеса они употребляются. Можно добавить, что, когда сняты идеологические запреты и вроде бы закончена холодная война, именно этот невидимый семантический «занавес» продолжает оставаться очень мощным препятствием на пути к полноценному общению и плодотворному взаимопониманию между представителями разных наций.

Моя приятельница из Великобритании, которая работает преподавателем русского языка, рассказывала, какие приемы мнемотехники она использует для того, чтобы начинающие изучать русский язык взрослые

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

студенты запомнили формулы вежливости в русском языке. Так, слово «спасибо» легче запомнить, если провести параллель между ним и английским словом placebo. Как известно, это слово имеет следующие значения: 1. Плацебо, безвредное лекарство, прописываемое для успокоения больного 2. Слова успокоения, лесть 3. церк. плацебо, «я буду угоден», первое песнопение заупокойной вечерни; to sing /to play (a) ~ работать, угодничать, быть приспособленцем (оппортунистом).

Студенты у той же преподавательницы запоминали слово «пожалуйста» по аналогии с выражением «push Alistair» (down the stairs, как предполагается), а слово «здравствуйте» им оказалось легче всего запомнить, если держать в уме фразу «Does your arse fit ye?», произнесенную скороговоркой. (Автор приносит извинения за ненормативную лексику, но из песни, как говорится, слова не выкинешь.)

Любопытно, что в первых двух шутках возникают смысловые связи между русской фразой и параллельной ей английской звуковой оболочкой; следует отметить, что если в первом случае в результате звуковой аналогии мы получаем невинную шутку, во втором шутка уже достаточно неприятная, а в третьем возникает, как кажется, законное сомнение в том, что какому-либо здравомыслящему человеку захочется учить язык, приветствие в котором звучит таким, мягко говоря, странным образом. Представляется, что такую шутку можно назвать скверной, вульгарной и наглой в своей циничности, может быть казарменной или площадной вследствие своей неприличности. И она, конечно же, оскорбительна для русского языка.

В связи со всем описанным задача исследователя английской культуры состоит в том, чтобы попытаться выяснить все возможные нюансы какого-либо ее аспекта; скажем, в данном случае задачей является попробовать воссоздать стереотипное отношение к иностранцу (или стереотипные представления о русском человеке, так как эта тема нам, естественно, безразлична), которое существует в сознании носителя английского языка. Ведь не секрет, что в массовом сознании существуют стереотипные представления о разных национальностях, и мы сами зачастую веселимся над тем, как выпукло в них бывают схвачены типичные характеристики той или иной нации. Следовательно, задача исследователя состоит в том, чтобы как можно более точно воссоздать этот стереотип, а задача изучающего язык будет состоять в том, чтобы понять его и осознать как факт реальности.

Важные и мудрые замечания по этому поводу сделал Марвин Минский в одном из примечаний к своей статье «Остроумие и логика когнитивного бессознательного»¹⁹, в которой он, в частности, объясняет роль фреймов, т.е. структур знаний, которые представляют собой паке-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

ты информации (хранимые в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций: «Я считаю, что *этнический юмор*, представляющий, бесспорно, большую социобиологическую ошибку, тоже связан с механизмом фреймов. Почему в таком ходу шутки, в которых высмеиваются представители других национальностей? Распространенное объяснение этого явления гласит, что шутки подобного рода есть не что иное, как способ проявления агрессивности. Все это, без сомнения, верно, однако можно предложить и более содержательное объяснение. В работе²⁰ я показал, что *слушающему трудно понять рассказ о каком-то человеке, если у него отсутствует нужный фрейм человека, то есть определенный стереотип*. Вместе с тем если слушающему не нужно выбирать фрейм, то вся коммуникативная ситуация для него существенно упрощается. Итак, слепой фанатизм может возникнуть произвольно – как побочный эффект отмеченного обстоятельства. Например, когда рассказывают шутку о человеческой глупости, то с точки зрения психики удобно свести услышанное к некоторому стереотипу – желательному чужому, иностранному, – с тем, чтобы избежать конфликта с окружающим миром. И конечно, подобно снежному кому, этот стереотип может начать обрастать всё новыми и новыми небылицами. Постепенно у людей стираются следы «юмористического» происхождения подобных структур. Борьба с предубеждениями очень трудно, если не понимать важности (и значения) стереотипов в повседневном мышлении.»

Словари юмористических цитат: цитируемость как показатель популярности некоторых иронических и саркастических высказываний.

В данной части ставится задача проследить то, как английские словари юмористических цитат отражают представления о русских, типичные для массового сознания британцев.

В самом начале следует упомянуть, что англоговорящие читатели имеют доступ к совершенно особым справочным источникам следующего типа: Словарь современных юмористических цитат издательства «Пингвин»²¹, Национальная энциклопедия пасквильно-памфлетного юмора²², Словарь названий и прозвищ²³, словарь Гиннеса «Наиболее ядовитые цитаты»²⁴, «Засучив рукава. Словарь женского юмора и остроумия»²⁵, «Словарь оскорбительных высказываний»²⁶ и т.п. Когда обращаешься к словарям юмористических цитат, прежде всего возникает естественное желание полюбопытствовать, какие юмористические цитаты насчет русских являются наиболее популярными у носителей англий-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

ского языка. Следует отметить, что такое исследование навряд ли окажется приятным, так как предыдущий опыт показывает, что в разнообразных источниках встречаются не самые лестные упоминания о русских.

Изучить содержание словарей юмористических цитат, относящихся к России и русским, кажется очень интересным хотя бы для того, чтобы взглянуть на свою культуру со стороны, глазами других. Читая такие цитаты, наверное, необходимо быть готовым к ситуации, в которой потребуется применить популярную мудрость типа «На зеркало неча пенять...» Тем не менее, даже укрепив свой дух мудрыми высказываниями такого рода, трудно бывает иногда не поразиться предвзятости понятий о русских, выражаемых в некоторых цитатах.

Сразу вспоминаются многочисленные негативные высказывания о русских. Например, в романе Пола Бейли «Плач Гавриила»²⁷ есть весьма эксцентричный герой – мистер Тиверли, старый капитан, который помнит битвы при Трафальгаре и Ватерлоо и живет в огромном доме на Вэлклез Сквэр, т. е. продолжает жить в Ист-Энде уже после того, как этот район был заселен беднотой, а богатые купцы и капитаны торговых судов давно переехали в другие районы Лондона, такие, как Спитлфилдс и Вощинг. Раз в день мистер Тиверли выходит на прогулку по площади, на которой стоит его дом, и, прогуливаясь, рассматривает своих новых соседей в лорнет, не задумываясь над тем, что именно он сам выглядит весьма странно в своем фраке и парчовом жилете, который он сшил себе еще во времена Уильяма IV. Иногда он надевает цилиндр из чесаного черного фетра, а когда бывает невыносимо холодно, он надевает пальто с накидкой – единственный современный предмет его гардероба. Мистер Тиверли с его эксцентричным поведением, можно сказать, выражает стереотипные британские представления о других национальностях, по поводу которых он высказывается. Например, возвратившись после очередной прогулки, он говорит: ‘There are inebriated Russian bears abroad. I have returned earlier than usual in fear and trembling.’²⁸ (По улицам бродят пьяные русские медведи. Я вернулся раньше обычного в страхе и трепете.)

Массу примеров такого же рода дает юмористическая книга о русских, написанная Элизабет Робертс, из очень популярной в Великобритании серии книг «Руководство для ксенофоба»²⁹. Она начинается следующим образом:

«Национализм и самобытность.
То, как они видят самих себя.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

Отношение русских к самим себе выражено в одной из их многочисленных лаконичных, простецких пословиц: "Может быть, моя страна – это вонючая навозная куча, но это моя навозная куча."

Хотя они уже давно отчаялись в том, что у них хоть что-то получится как надо, русские твердо верят в то, что их нации суждено спасти мир. Это никак не связано с революцией. Они верят в это с тех самых пор, как еще в XVI веке монах Филофей описал Москву как "третий Рим, а четвертого не будет."³⁰

Если изучить подобные популярные юмористические высказывания о русских, то среди прочего, в частности, можно получить представление о всем ассортименте расхожих, зачастую шовинистических представлений о русских в сочетании с полнейшим пренебрежением к их обычаям, культуре, языку.

Прежде чем цитировать словари юмористических цитат, следует сказать несколько слов о принципах их составления. Хотя на первый взгляд, если судить просто по приведенным выше названиям словарей, может показаться, что можно разделить их на две группы, представляющие, с одной стороны, менее, а с другой – более ядовитый юмор, на самом же деле, сравнивая их содержание, обнаруживаешь, что они состоят из похожих материалов, и зачастую одни и те же цитаты кочуют из одного словаря в другой. Например, знаменитая фраза Уинстона Черчилля, произнесенная накануне Великой Отечественной войны, приводится и в словарях юмористических цитат, и в давно уже считающемся классическим справочным пособием Оксфордском словаре цитат³¹:

«Я не могу предсказать вам действия России. Это загадка, облеченная мраком неизвестности, и все это внутри тайны.»

(Уинстон Черчилль, Би-Би-Си, 1939)³²

Невозможно не обратить внимание на то, что эта фраза произнесена в начале Второй мировой войны, в которой, как нам теперь уже хорошо известно, России предстояло сыграть решающую роль в обуздании фашизма и победе над ним. Наверное, не случайно в высказывании У. Черчилля звучит уважение к загадочности России и отказ от построения прогнозов относительно ее поведения.

Так же, как эта знаменитая цитата из У. Черчилля, из одного юмористического словаря в другой кочует высказывание Рональда Рейгана:

«Советский Союз останется однопартийной страной даже в том случае, если будет разрешена оппозиционная партия – потому что все вступят в эту партию.»

(Рональд Рейган, «Обзервер», 1982)³³

Хотя сегодняшняя российская реальность опровергает какую-либо долю истинности этой шутки, ее неактуальность, по-видимому, переве-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

шивается эффективностью выраженной в ней мысли, и это объясняет ее присутствие в словарях цитат.

Встречаются шутки, берущие свое начало в современном российском фольклоре и явно позаимствованные из современных российских сборников анекдотов:

1. В Соединенных Штатах у вас свобода слова. Вы можете подойти к Рональду Рейгану и сказать: «Мне не нравится Рональд Рейган.» В Советском Союзе все точно так же. Вы можете подойти к Черненко и сказать: «Мне не нравится Рональд Рейган.» (Яков Смирнов, русский эмигрантский комик, процитировано в журнале «Ньюсвик», 1984)³⁴

2. «Вопрос: Что такое российское струнное трио?

Ответ: Российский струнный квартет, который вернулся с гастролей на Западе.» (Дэвид Стил, процитировано в «Обзервере», 1984)³⁵

Иногда цитируются по-настоящему оригинальные и забавные высказывания, основанные на парадоксах, как, например, следующие:

«В России они обращались со мной как с царем – а вы знаете, как они обошлись с царем.» (Боб Хоуп)³⁶

«Россия – это страна, которая хоронит свои напасти. Произнесенная вами критика – это ваша надгробная надпись. Вы просто высказываетесь, и после этого вы – конченный человек.» (Уил Роджерс)³⁷

Вместе с тем встречаются также и откровенно злобные, ядовитые высказывания, основанные на явном передергивании фактов, одностороннем выпячивании какого-нибудь недостатка и преувеличенно отрицательной оценке существующего положения вещей. В них звучит тотальное пренебрежение, презрение и ненависть. Бывает не совсем понятно, что в них есть юмористического. Такие высказывания, скорее всего, и способствуют созданию шовинистических представлений о русских:

«Расовые характеристики: звероподобные, кряжистые, мужиковатые толстые тупицы в картонных двубортных костюмах. Подхалимствующие прислужники, обслуживающие маниакальные замыслы своих кровожадных красных повелителей. Они делают велосипеды из цемента и могут быть сосланы в Сибирь за то, что слушают не те радиопередачи.» (П. Дж. О’Рурк, «Иностранцы по всему миру», 1976)³⁸

«Ни в России, ни в Дартмурской тюрьме нет безработных – и все по одной и той же причине.» (Филип Сноуден, политик-лейборист, 1932)³⁹

Печально, что в качестве юмористических цитат фигурируют и откровенно неприязненные высказывания весьма уважаемых в России наших зарубежных соотечественников:

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

«Идеи в современной России – это обработанные машиной глыбы, которые производятся в однотонных цветах; нюансы объявлены вне закона; промежутки заделаны стеной; кривые грубо усилены.» (В. Набоков. Бледный огонь, 1962)⁴⁰

Зачастую бывает непонятно, в чем состоит юмористичность таких высказываний. Возможно, именно такие цитаты можно назвать саркастическими. К этой же категории принадлежит, например, следующая история:

О героях

Прием, оказанный первому человеку в космосе, Юрию Гагарину, когда он прибыл в Лондон, намного превзошел все ожидания. Огромные толпы собирались, чтобы увидеть этого космонавта, и вся столица прославляла его подвиг. Однако премьер-министра Гарольда Макмиллана совершенно не тронул прием, оказанный этому русскому.

«Было бы в два раза хуже, если бы они прислали собаку», – сказал он.⁴¹

Данная ремарка столь ядовита, что не совсем ясно, в чей адрес Гарольд Макмиллан высказал больше презрения: в адрес Гагарина или английской публики.

Встречаются высказывания, в которых звучит ирония и мягкий, ненавязчивый юмор:

«Хилари: Одно из преимуществ жизни в России – то, что это одно из немногих мест, где курение не приводит к раку легких. По крайней мере, представители властей не говорят про это, поэтому следует сделать предположение, что к раку оно не приводит.» (Алан Беннет. Страна в прошлом, 1978).⁴²

Некоторые цитаты, несмотря на то, что они принадлежат к «легкому» жанру (если судить по тому, в какой словарь они включены), содержат весьма глубокие мысли:

«Россия – единственная страна в мире, по которой можно скучать в то самое время, как вы все еще в ней находитесь.» (Джон Апдайк⁴³)

Иногда встречаются довольно меткие и точные наблюдения, которые забавны, потому что позволяют взглянуть на знакомые вещи под новым углом зрения:

«Россия меня пугает – люди в автобусах столь серьезны, что смотрятся так, как если бы им предстоял электрический стул.»⁴⁴ (Мухаммед Али)

В других высказываниях явно проявляются ошибочные представления о России их авторов:

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

«Я думаю, единственное преимущество их формы правления – это то, что при ней нет надписей на стенах.»⁴⁵ (Джон Линдсей)

Любопытно, что многие из цитируемых высказываний принадлежат авторам, личность которых зачастую незнакома русскоязычному читателю. В таких случаях бывает необходима биографическая справка. Так, например, вышеупомянутый Джон Влит Линдсей (р. 1921) – это американский политический деятель, мэр Нью-Йорка в 1965 – 1973 годах. По-видимому, Джона Линдсея как руководителя городского хозяйства беспокоила проблема надписей на стенах, и у него было идеалистическое представление о том, что, когда правят коммунисты, таких надписей не бывает.

Критикуя другие нации и другие страны, можно быть сколь угодно суровым в своих суждениях, поскольку обсуждения выраженных критических мнений с оппонентом все равно не будет:

1. «Кремль как младенец – у него на одном конце аппетит, а на другом никакого чувства ответственности.»⁴⁶ (Р. Рейган)

2. «Иметь дело с Россией – все равно, что пытаться договориться с ослом. Ты можешь говорить с ним, говорить и говорить, но остерегайся, чтобы он тебя не лягнул.»⁴⁷ (Алекс Уайли)

Печально, что среди всех эти высказываний встречаются резко отрицательные высказывания известных интеллектуалов:

«Развал, а не революция.»⁴⁸ (Д. Г. Лоуренс)

Если вышеприведенная цитата может быть объяснена и понята, то следующее очень суровое и тотально огульное суждение заставляет глубоко задуматься:

«Возможно, самая скучная страна в истории народов.» (Норман Мейлер⁴⁹)

Интересно, что для объяснения статуса нескольких разных политических деятелей в «Словаре наиболее ядовитых цитат Гиннеса» употреблено одно и тоже слово – «премьер», как бы обозначающее главное должностное лицо страны:

1. Про Михаила Горбачева:

«У этого человека симпатичная улыбка, но у него железные зубы.» (Андрей Громько, 1985)⁵⁰

2. Про Никиту Хрущева:

«Пустомеля с поросычьими глазками.»⁵⁰ (Фрэнк Л. Хаули)

3. Про Николая (!!!) Ленина:

«Самой большой бедой русских было рождение Ленина; второй по величине бедой была его смерть.»⁵⁰ (Уинстон Черчилль)

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

4. Иосиф Сталин:
«Чингис-Хан с телефоном.»⁵⁰

Представляется, что и то, что составители словаря не потрудились уточнить имя Ленина, так и то, что все эти государственные деятели без разбору названы премьерами, отражает, в сущности, пренебрежительное безразличие, с которым составители словаря относятся к ним. Цитата из Черчилля, по-видимому, показывает желание щегольнуть красным словом и действительно звучит очень эффектно. Высказывание Громыко о Горбачеве неизвестно русскому читателю, и это, возможно, закономерно, потому что данная характеристика кажется поразительно неуместной и несущественной.

Среди юмористических цитат фигурирует, например, и такая:

«Ленин был интриганом, дезорганизатором и эксплуататором российской отсталости.»⁵¹ (Лев Троцкий)

Как видим, многие «юмористические» высказывания такого рода – это в значительной мере либо продукт предубежденности и самодовольного невежества, либо результат предвзятого, однобокого взгляда людей, события и страну. При чтении таких высказываний создается очень сильное впечатление идеологической тенденциозности.

Размышляя над интерпретацией значительной части подобного юмора, трудно не вспомнить карикатуру в популярной книге по психологии «Families and How to Survive them», написанной известным британским семейным психотерапевтом Робинотом Скиннером в соавторстве со знаменитым британским же комическим актером Джоном Клизом. На этой карикатуре изображен человек, которого бьют по голове и который произносит нечто глубокомысленное вроде: «Что бы это могло значить? Дайте подумать... Может быть, враждебность?» Представляется, что во многих процитированных высказываниях мы точно так же имеем дело с проявлениями «может быть, враждебности».

Совершенно справедливо отмечает И. А. Василенко: «...наметившийся дисбаланс между политическими правами и обязанностями человека в мире грозит достичь катастрофических значений. В условиях, когда все члены мирового сообщества склонны рассуждать о своих правах и никто не торопится брать на себя обязанности, мир на глазах превращается в «войну всех против всех», где торжествует политика сильных и бесцеремонных.»

В ситуации, когда проявляется такая «может быть, враждебность», здравый смысл и жизненный опыт подскажут нам, что никакие объемы знаний о языке, культуре, национальной специфике и прочем не помогут снять эту враждебность, наоборот: чем лучше человек знает язык, тем лучше он понимает насмешки, издевки, колкости и т.п., в которых она

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

проявляется и тем легче его уязвить и сделать ему больно. Здесь сказывается еще один парадокс межкультурного общения: для того, чтобы понять другую культуру, нужно быть открытым по отношению к ней; но когда человек открыт, он уязвим. А знания и умения, которые могут оказаться более полезными в такой ситуации – это скорее психологические навыки и умения, помогающие справляться с враждебностью и словесной агрессией.

Конечно, специалисты по этнической и кросс-культурной психологии давно уже признали универсальность самого явления аутигрупповой враждебности (враждебности по отношению к внешней группе) в любом межгрупповом взаимодействии. Известно, что главная цель такой враждебности – поддержание сплоченности ингруппы (т.е. группы, к которой индивид себя причисляет). Любопытно также, что источник межгрупповой враждебности или сотрудничества был найден не в индивидуальных мотивационных факторах, а в характеристиках самого межгруппового взаимодействия.

В заключение уместно предоставить слово уже неоднократно процитированной И. А. Василенко, которая пытается в своей работе найти ответ на вопрос о том, как избежать столкновения цивилизаций:

«...политическая герменевтика призвана использовать достижения современной этнологии и культурологии, которые уже добились определенных достижений на пути обретения синтеза ценностной аутентичности с политической эффективностью. Необходимо отвергнуть примитивный европоцентризм, имеющий обыкновение третировать все западные политические культуры как варварство, окончательно разоблачить его гегемонистскую установку на выстраивание одномерной «лестницы мировых культур», где Западу безусловно принадлежит лидирующее место.»

Если приведенные высказывания, шутки и остроты являются типичными образчиками отношения англичан к другим нациям, то придется очень сильно усомниться в том, что можно надеяться на ответное дружелюбие объектов такого остроумия.

Примечания

1. Для того, чтобы не отвлекаться от основной линии рассуждений, примем как данное то, что ирония и сарказм – это более частные понятия, которые входят в понятие юмора, являющееся более широким и емким. Автор, однако, отдает себе отчет в том, что при более пристальном рассмотрении (например, анализируя соответствующие словарные статьи в русских и английских толковых словарях) можно обнаружить серьезные расхождения между объемом понятийного материала, содержащегося в английском слове *humour* и русском слове «юмор». Достаточно, например, посмотреть на такой синонимический ряд, как *wit, irony, satire, sarcasm, repartee*. Иначе гово-

**Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных,
А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-
317-00036-X**

- ря, нужно, по-видимому, провести еще одно исследование, чтобы подтвердить данное высказывание квалифицированно и профессионально.
2. См., например: С. Г. Тер-Минасова. Синтагматика речи: онтология и эвристика. М., Изд-во МГУ, 1980; Она же. Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. М., 1986.
 3. Глубокое рассмотрение данной проблемы дается в книге Б. А. Самадова «Словарный состав современного английского языка: вопросы онтологии и эвристики». М., Высшая школа, 1996.
 4. И. А. Василенко. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.
 5. Там же, стр. 9.
 6. Там же, стр. 10.
 7. ‘...and when they find that the language does *not* have the same structure as English, reactions range from incredulity to contempt. ‘No definite article in Russian?’, I remember hearing one student say at a beginner’s evening class – but it must have!’ What this student would have said had he been learning a language with only one tense, or with no prepositions, I shudder to think!’ – D. Crystal. *Linguistics*. Penguin Books, Harmondsworth, 1977, p. 21.
 8. И. А. Василенко. Там же, стр. 12.
 9. Там же, стр. 11.
 10. Там же, стр. 13.
 11. ‘What can I, a mere Brit, with just Shakespeare and Dickens behind me, teach you, representatives of the great Russian culture?’
 12. ‘To increase the gobbledegook factor, American English has ‘**terminate** (or **eliminate**, or – more euphemistic still – **dismiss**) **with extreme prejudice**’, 1970s CIA-speak for ‘murder’. The KGB’s contribution to this vocabulary, which began to find its way into English in the 1970s, is **wet**: *a wet job, wet affair, or wet operation* is a political assassination, and *to get wet* is to be killed.’ – John Ayto. *Euphemisms. Over 3,000 ways to avoid being rude or giving offence*. Bloomsbury Publishing Limited, Ldn, 1994, p. 249.
 13. И. А. Василенко. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства, стр. 34.
 14. Хотя это и прискорбно, однако приходится констатировать, что этот суффикс был заимствован и в русский язык, причем для тех же целей – например, для придания уничижительно-пренебрежительных коннотаций, скажем, такому слову, как «китайцы».
 15. *The Oxford Dictionary and Thesaurus*. Edited by Sara Tulloch. OUP, 1996.
 16. Испытав на себе такие неприятные ситуации, начинаешь лучше понимать, что подразумевает следующая мораль старинной ирландской сказки:
«В старину говорили: Трех вещей опасайся: копыт лошади, рогов быка и улыбки англичанина.» Сказки народов мира. М., «Детская литература», 1985, стр. 371.
 17. Этот вопрос, безусловно, требует более тщательного рассмотрения, прежде чем можно будет говорить об этом совершенно определенно – вполне может быть, что в определенных кругах считается как бы «высшим пилотажем» общения, когда человек способен выражением лица, позой и другими невербальными средствами сигнализировать дружелюбие, а словесно, при помощи языка сигнализировать враждебность, презрение, ненависть и другие отрицательные эмоции. Понятно, однако, что такого рода соревнование, ведущееся по принципу «кто кого презрительнее и пренебрежительнее обзовет и сильнее оскорбит», не может иметь никакого конструктивного исхода, кроме удовлетворения своих низменных побуждений теми, кто придумывает такие шутки.
 18. D. Crystal. *Op. cit.*, стр. 15.

**Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных,
А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-
317-00036-X**

19. М. Минский. Остроумие и логика когнитивного бессознательного. *Перев. с англ. М. А. Дмитриевской.* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. Составление, редакция и вступительная статья В. В. Петрова и В. И. Герасимова, М., «ПРОГРЕСС», 1988.
20. Minsky, Marvin. A Framework for Representing Knowledge. (M. I. T., Artificial Intelligence Laboratory, AI Memo 306). Cambridge, Mass., June 1974 [Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.]
21. The Penguin Dictionary of Modern Humorous Quotations compiled by Fred Metcalf, Bungay, Suffolk, 1987.
22. The National Lampoon Encyclopedia of Humour, London, 1983.
23. A Dictionary of Names and Nicknames compiled by Laurence Urdang, Oxford, 1991.
24. The Guinness Dictionary of More Poisonous Quotes. Compiled by Colin Jarman. Enfield, Middlesex, 1992.
25. Hammer and Tongues. A Dictionary of Women's Wit and Humour. Compiled by Michele Brown and Ann O'Connor. London, 1988.
26. The Dictionary of Insults. London, 1995.
27. Paul Bailey. Gabriel's Lament. Penguin Books, Bungay, Suffolk, 1987.
28. Там же, стр. 36.
29. Elizabeth Roberts. The Xenophobe's Guide to the Russians. Ravette Books, Ldn, 1993.
30. Там же, стр. 5: **Nationalism and Identity**

How They See Themselves

The Russian attitude to themselves is summed up in one of their many pithy, earthy proverbs: 'My country may be a smelly dungheap – but it's my smelly dungheap.'

Although they despair of anything ever turning out right, the Russians firmly believe that, as a nation, they are destined to save the world. This is nothing whatever to do with the Revolution. This is something they have believed since the 16th century monk, Filofei, described Moscow as 'the third Rome, and there will be no fourth'.

31. The Oxford Dictionary of Quotations. Third edition. Oxford University Press, 1979.
32. Там же, стр. 149. 'I cannot forecast to you the action of Russia. It is a riddle wrapped in a mystery inside an enigma.'
33. The Penguin Dictionary of Modern Humorous Quotations, стр. 222. 'The Soviet Union would remain a one-party nation even if an opposition party were permitted – because everyone would join that party.'
34. Там же, стр. 222. 'In the United States you have freedom of speech. You can go up to Ronald Reagan and say, «I don't like Ronald Reagan». In the Soviet Union you have the same thing. You can go up to Chernenko and say, «I don't like Ronald Reagan.»'
Yakov Smirnoff, Russian emigré comedian, quoted in *Newsweek*, 1984.
35. Там же, стр. 222. 'Q: What is a Russian string trio?
A: A Russian string quartet that has returned from the West.'
David Steel, quoted in the *Observer*, 1984.
36. Там же, стр. 222. 'In Russia they treated me like a Czar – and you know how they treated the Czar.'
Bob Hope.
37. The Guinness Dictionary of More Poisonous Quotes, стр. 217. 'Russia is a country that buries its troubles. Your criticism is your epitaph. You simply say your say, and then you are through.'
Will Rogers.
38. The Penguin Dictionary of Modern Humorous Quotations, стр. 222. '*Racial characteristics*: brutish, dumpy, boorish lard-bags in cardboard double-breasted suits. Licks-pittle slaveys to the maniacal schemes of their blood-lusting Red overlords. They make bicycles out of cement and can be sent to Siberia for listening to the wrong radio station.'
P. J. O'Rourke, 'Foreigners around the World', *National Lampoon*, 1976.

**Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных,
А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-
317-00036-X**

39. Там же, стр. 222. 'There are no unemployed either in Russia or in Dartmoor jail, and for the same reason.' Philip Snowden, Labour politician, 1932.
40. Там же, стр. 222. 'Ideas in modern Russia are machine-cut blocks coming in solid colours; the nuance is outlawed, the interval walled up, the curve grossly stepped.' Vladimir Nabokov, *Pale Fire*, 1962.
 41. The Dictionary of Insults, стр. 142. 'About Heroes:
The reception given to the first man in space, Yuri Gagarin, when he arrived in London far exceeded anything that had been anticipated. Huge crowds turned out to see the cosmonaut and the whole capital celebrated his feat. However, the Prime Minister, Harold Macmillan, was totally unmoved by the Russian's reception: "It would have been twice as bad if they had sent the dog," he said.
 42. The Penguin Dictionary of Modern Humorous Quotations, стр. 221. 'Hilary: One of the advantages of living in Russia is that it's one of the few places where smoking doesn't cause cancer. At least the authorities don't say it does, so one must presume it doesn't.'
 43. The Guinness Dictionary of More Poisonous Quotes, стр. 217. 'Russia is the only country of the world you can be homesick for while you are still in it.'
 44. Там же, стр. 217. 'Russia scares me – the people on the buses are so serious they look like they are going to the electric chair.'
 45. Там же, стр. 195. 'I think the only advantage of their form of government is that it stops graffiti.'
 46. Там же, стр. 196. 'The Kremlin is like a baby – it has an appetite one end and no sense of responsibility at the other.'
 47. Там же, стр. 196. 'Dealing with Russia is like handling a jackass. You can talk to him and talk to him, but watch out he don't kick you.'
 48. Там же, стр. 217. 'A collapse, not a revolution.'
 49. Там же, стр. 217. 'Probably the most boring country in the history of nations.' Norman Mailer (1968).
 50. Там же, стр. 196.
 1. Mikhail Gorbachev – Premier. 'This man has a nice smile, but he's got iron teeth.'
Andrey Gromyko (1985)
 2. Nikita Krushchev – Premier. 'A pig-eyed bag of wind.'
Frank L. Howley
 3. Nikolai Lenin – Premier. 'The Russians' worst misfortune was Lenin's birth; their next worse, his death.'
Sir Winston Churchill.
 4. Joseph Stalin – Premier. 'Genghis Khan with a telephone.'
Anon.
 51. Там же, стр. 196. 'Lenin was an intriguer, a disorganiser and an exploiter of Russian backwardness.'

Л и т е р а т у р а

1. О. В. Александрова. Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка). М., 1984.
2. О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
3. И. А. Василенко. Диалог цивилизаций. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
4. И. В. Гюббенет. К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском материале). М., 1981.
5. М. В. Давыдов, Е. В. Яковлева. Основы филологического чтения. М., 1997.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

6. В. Я. Задорнова. Восприятие и интерпретация художественного текста. М., 1984
7. А. А. Изотова. Обыгрывание английских фразеологических единиц в речи. М.: Московский лицей, 1994.
8. Т. А. Колова. История, филология и культура (книга для чтения на английском языке). М., 1997.
9. А. Лингарт. Основы лингвопоэтики. М., Диалог-МГУ, 1999. – 166 с.
10. М. Минский. Остроумие и логика когнитивного бессознательного. Перевод с англ. М. А. Дмитриевской. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., Прогресс, 1988.
11. Пропн. Проблемы комизма и смеха. М., Лабиринт, 1999.
12. С. Г. Тер-Минасова. Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. М., 1986.
13. З. Фрейд. Остроумие и его отношение к бессознательному. Перевод Я. Когана. В кн.: З. Фрейд. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Перевод с нем. Кн. 2. Тбилиси, «Мерани», 1991.
14. Brown. Principles of Language Learning and Teaching. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, 1980.
15. M. V. Davydov, Y. V. Yakovleva. Prosodic Images in English Speech. М., 1999.
16. Lado. Linguistics across Cultures. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1957.
17. S. Ter-Minasova. The Sociocultural Content of Language Units and English Language Teaching. In: Folia Anglistica. 1998, No.1. Semantics, Pragmatics and Semiotics. М., 1998.
18. S. Ter-Minasova. Language, Linguistics and Life. М., 1996.